

Юрий Никитин

Компенсация

*Часть сборника
Далекий светлый терем
(сборник)*

Юрий Александрович Никитин

Компенсация

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127913

Аннотация

Герой – калека, «урод», над которым потешались всю жизнь. Но неожиданно в нём открылось нечто необыкновенное – необычная способность... Неужели это компенсация за те годы мучений и унижений?

Юрий Никитин

Компенсация

Если бы зрение у него испортилось в младшем возрасте, когда родители помогали натягивать штанишки, то зажатость не возникла бы. Просто очки он стал бы воспринимать как часть одежды, как необходимую униформу.

Но зрение изменилось в сторону близорукости в пору юношеского созревания. Глазное яблоко растет и меняет форму так же, как растут и меняются руки, ноги, вытягивается фигура, преобразуется голос. Голос из звонкого стал хрипловатым баритоном, на подбородке стали пробиваться два-три черных волоска, а дальние предметы стали расплываться...

Он ужаснулся, обнаружив, что плохо видит. Если прищуриться, видел резче, однажды посмотрел на уроке сквозь дырочку в бумаге, проколотую циркулем, поразился: как четко все видно!

Превратиться в очкарика? В существо, которое ни в хоккеей на школьной площадке, ни в драчку во время перемены, которое заранее выключено из бурной *настоящей* жизни?

Но эти ж очкарики – инвалиды!!!

С этого дня он тщательно следил за собой, скрывая свою инвалидность, чтобы никто не заметил, что он видит плохо. К счастью, близорукость – это вид инвалидности, который

не бросается в глаза. На остановке номер троллейбуса распознавал только в момент, когда тот останавливался, сесть успевал, а если маршрут не тот, небрежно делал шаг в сторону от дверей, словно бы раздумывая: садиться или дожидаться следующего?

Потруднее приходилось в школе. В первый год он еще, сильно прищурившись, различал написанное на доске, но близорукость, как говорят медики, прогрессировала, и в конце концов перестал различать даже самые большие буквы и цифры...

Он закончил восьмой класс с пятью тройками. В девятый не взяли, поступил в ПТУ. Таблицу по проверке зрения выучил к тому времени наизусть, да особенно и не придирались: он сам выбрал столярное – там детали крупнее.

В результате подобной жизни к двадцати пяти у него не было ни близких друзей, ни постоянной девушки, ни устойчивой специальности. Поработав столяром, он вскоре перешел в плотники – было еще проще, а затем и вовсе опустился на самую низкую ступеньку: в подсобники. Там работали самые бросовые элементы, вернувшиеся из мест заключения, пропойцы, уволенные из других мест по разным статьям, и только здесь не обращали внимания, точнее, мало обращали внимание на некоторые странности молодого подсобника.

Работал он добросовестно – это главное. А то, что мог не поздороваться с вами, хотя вы кивнули ему с двух шагов, поймав его взгляд, а через полчаса при новой встрече при-

ветствовал вас вполне доброжелательно и разговаривал дружески – так рассеянность – еще не самый страшный порок. А он был чудовищно рассеян, этот молодой парень с бледным одухотворенным лицом: не замечал ни начальника цеха, когда тот махал ему рукой из ворот цеха, ни Розу Квашис – самую что ни есть красотку на заводе, которая посматривала на него куда уж выразительнее!

В кинотеатрах ему приходилось выбирать первые ряды. Там, забившись поглубже в сиденье, опустившись как можно ниже, чтобы не слишком выделяться среди окружающей детворы, он еще что-то различал на экране, когда сильно щурился, но если приходил в кино с девушкой, первые ряды отпадали. Все знакомые девушки почему-то предпочитали забираться только на последний ряд.

Конечно, он знал почему, и не забывал, что когда на экране страшная сцена, надо прижимать подружку к себе, успокаивая, а когда там начинались ахи и охи, осторожно запускать руки ей под блузку. А чуть позже, смотря по обстоятельствам, и под юбочку.

Да, другие парни ухитрялись еще и кино смотреть, да и ориентировались лучше, заранее видя на экране злодея с окровавленным ножом или же приближение любовной сцены, но тут все же удавалось успеть понять, что от него требуется.

Но – чтобы попасть в кино, сперва нужно встретиться! На остановке, у метро, у памятника! А это было самое уязвимое

место.

Сегодня он ждал Олю. Позицию выбрал тщательно: чтобы она могла увидеть его издали, а он ее «увидеть» не мог, так как в этот момент увлекся театральной афишей. А когда Оля приблизится вплотную, он с трудом оторвется, обернется обрадовано:

– О, ты уже здесь! Извини, зачитался.

Она спросит:

– Что-нибудь интересное?

– Да, такие спектакли! Надо куда-нибудь выбраться... Куда сейчас пойдём?

На этой неделе это у него уже вторая девушка. С прошлой, ее звали Еленой, познакомился в трамвае, а на свидании попал впросак: договорились встретиться на выходе из «Дзержинской», но там оказалось столько ждущего народу, причем столько девушек, что он опешил, несколько минут растерянно бродил среди них по огромной площади, украдкой заглядывая каждой в лицо, в конце концов сбежал вовсе. Будь у него нормальное зрение, то остался бы на одном месте и цепким взглядом окидывал очередную волну, выплеснувшуюся из метро, а сейчас вовсе засомневался в том, что запомнил лицо. А вдруг не узнает, когда она приблизится?

Сейчас он замер, активизируя все чувства. Самый ответственный момент, когда девушка подходит... Он всегда приходил на место раньше, дело не в галантности, а в том, что

иначе ему приходилось бы выбирать среди многих девушек,
а для этого требовалось зрение получше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.